

Такое ощущение, что в современной России слово “революция” опасаются употреблять даже в отношении неполитических явлений, как индустриальная, научная или интеллектуальная революция. В художественной и публицистической литературе это слово появляется, но чаще всего применительно к отрицательным персонажам, обычно для описания каких-то полусумасшедших личностей, так сказать, революционеров.

Что же касается политических партий в России, то они от этого слова шарахаются как черт от ладана. Для пробуржуазных партий такое отношение к революции вполне естественно. Но даже в политическом лексиконе левых сил редко можно встретить слово “революция”. Это и понятно, поскольку свои действия против существующего режима они выстраивают “в рамках конституции”. Пиетет к Конституции означает, что менять существующий строй они не собираются, а имеют намерение “конструктивно” его улучшить. То есть криминально-олигархический капитализм превратить, видимо, в народный капитализм.

Очевидно, что в настоящее время “левые” и правые” в России являются взаимодополняемыми звеньями одной системы, одной формации под названием капитализм с российской спецификой. Столь же очевидно, что без революции эту систему с трона не сбросить и поэтому вопрос о революции так или иначе неизбежно встанет на повестку дня. Поэтому есть смысл разобраться, что такое Революция?

I

Сейчас это слово вызывает ужас почти у всех. Не дай бог! Революция – это же насилие, жертвы, ГУЛАГ... То что при нынешней “эволюции” каждый год на миллион русских становится меньше, то, что продолжительность жизни у мужчин сократилась до уровня неразвитых африканских государств, а все мыслимые и немыслимые болезни увеличились в России на порядки, и то, что в настоящее время в стране фактически идет гражданская война, почему-то в голову большинству населения не приходит. В сторону эмоции. Перейдем на язык науки.

Для начала воспроизведу два определения революции, которые более или менее похожи на определения, знакомые старшему поколению российских читателей еще по учебникам советского периода. Словарь Международных отношений (издательство Пингвин, 1998) дает несколько определений, выделяя среди них “марксистско-ленинское” определение: “Настоящая революция не только меняет политический

режим, но вызывает фундаментальные изменения в социально-экономической организации общества”. Профессор Нью-Йоркского государственного университета Майкл Киммель в книге “Революция: социологическая интерпретация” (1990) свое определение формулирует так: “Революция – это попытки подчиненных групп изменить социальные основы политической власти”.

Подобные формулировки имеют определенный смысл, поскольку они отражают какую-то часть явления. Более того, развивая то или иное определение понятия революции, авторы обычно анализируют его в контексте с другими явлениями, как-то: революция-война, революция-насилие и т.д. Мне еще предстоит подробно разбирать эту тему в трудах западных и российских исследователей, но это будет сделано в отдельной книге. В данной же статье я хочу схематично изложить свое понимание этого явления, которое вытекает из логики моей последней монографии “Диалектика силы: онтобгия” (М.: Едиториал УРСС, 2005).

II

Прежде всего необходимо понять, что слова “революция” и “эволюция” являются политологическими терминами, которые, правда, как метафоры используются и в органическом мире. В философии эти слова адекватны категориям “качество” и “количество”. Так же, как последняя пара не существует друг без друга, точно так же в общественной жизни не существует “революции” без “эволюции” и наоборот. Я напому, что самым серьезным минусом знаменитой теории Дарвина было отсутствие “скачка”, “революции”. В результате в рамках его теории невозможно было объяснить, например, возникновение органического мира из неорганического, или Кембрийский взрыв, произошедший более 500 млн лет назад, или превращение некоторых видов обезьяноподобных в человека. Только в 20 веке учениками Дарвина в эволюционную теорию был внесен “скачок”, например, в виде концепции Ст. Дж. Гулда о “прерывистом равновесии”.

Необходимо также помнить, что ныне насчитывается около двух миллионов организмов различного вида, что составляет 0,1% всех организмов, а это около двух миллиардов, когда-либо существовавших на Земле. 99,9% организмов исчезли, поскольку не испытали на себе “скачка”, или такого кардинального обновления, которое соответствовало бы новым условиям окружающей среды. Другими словами, они не успели соскочить с тупиковой ветви своего развития. Иначе говоря, любое явление, по крайней мере в рамках органического и общественного миров, не

испытывающее скачка-революции, кардинально сокращает объективно отпущенный ему природой цикл существования. Это есть универсальный закон органической природы и общества!

Если в неорганическом и органическом мирах речь может идти о “выживаемости” частиц или организмов в рамках “движения вообще”, то в общественном мире появляется категория “прогресса”, которая подразумевает движение вперед. Можно без конца спорить, что такое “вперед”, что такое “назад”, пока мы не договоримся или не установим критерий “прогресса”. Поскольку до сих такой критерий в науке не установлен, я предлагаю свою формулировку прогресса, которая на теоретическом уровне обоснована в упомянутой книге.

Итак, прогрессом я называю “приращение” жизни человека, что есть разность между тем, сколько ему отпущено природой (законами неорганического и органического миров), и тем, сколько он реально (актуально) проживает благодаря своим знаниям. Эту дельту, назовем ее дельтой жизни, я определяю как прогресс. В самой простой формуле ее можно выразить так: $\Delta L = LA - LN$, где L – продолжительность жизни, A – актуальная, или реальная, средняя продолжительность жизни, N – естественная, или биологическая, продолжительность жизни, отпущенная природой. Эту формулировку можно отнести не только к человеку, но и к любому явлению общественной жизни, а также к самим обществам, государствам или империям как общественным организмам.

Этот прогресс с момента возникновения гомо сапиенс до современного человека происходил за счет эволюционно-революционного развития человеческого общества. Причем до капиталистической стадии он осуществлялся стихийно, неосознанно за счет различных скачков в технической революции, влекшей за собой удлинение жизни человеческого вида. В качестве таких скачков можно оценивать изобретения огня, колеса, письма, пороха. Напомню, что народы Средиземноморья и современной Латинской Америки находились приблизительно на одном уровне развития, например, на период 5000 лет д.н. эры. Но, когда в Америке в начале 16 века появились испанцы, они обнаружили, что уровень развития индейцев соответствовал уровню развития народов Средиземноморья на период около 2000 лет д.н. эры. Оказалось, что у инков, к примеру, к 16 веку не было колеса и письменности. Фактически они отстали от европейцев почти на три с половиной тысячи лет. В результате горстка конкистадоров завоевала целую империю инков (по некоторым данным, около 8 млн на то время). Всего же к моменту появления европейцев в Америке население индейцев, по

некоторым оценкам, насчитывало 25 миллионов. В настоящее время количество индейцев составляет ничтожно малое число от всего населения двух Америк. Простая эволюция без революций (на то время технической) завершилась по естественным законам природы и общества почти полным уничтожением индейцев.

Европа в средневековые времена, т.е. во времена утверждения и господства христианства, также практически не развивалась, показателем чего является ничтожная средняя продолжительность жизни людей (около 20–25 лет) на протяжении почти 15 веков. Полторы тысячи лет религиозного мракобесия прервала очередная техническая революция (книгопечатание, паровая машина и ткацкий станок), давшая толчок развитию капитализма. Именно с этого периода начинаются социальные революции.

Хочу обратить внимание на то, что вся история человечества сопровождалась крайне редкими техническими революциями (до капитализма), но постоянными войнами. Революция социальная появляется с приходом капитализма. Хотя и до капитализма существовала проблема бедных и богатых, рабов и господ, но эта проблема воспринималась как естественное явление, данное от богов или бога. Стихийные выступления бедных или рабов не меняли существа общественных отношений, даже когда бедным иногда удавалось захватить власть (например, в Китае). И в этом случае воспроизводилась та же система общественных отношений. Только освобождение от религии или ее модернизация (протестантизм) благодаря Ренессансу и Просвещению в Европе позволило населению, прежде всего нарождающейся буржуазии, начинать осознавать, что благосостояние достигается работой и трудом, а неравенство возникает не от бога, а от форм общественного производства и несправедливого присвоения результатов труда. Эти истины на протяжении двух веков вдалбливались европейскими мыслителями, кстати сказать, особенно выпукло в работах Локка и Адама Смита. Другими словами, на смену слепой поработавшей веры пришла творческая мысль, и она вела к пониманию решения проблем социальной несправедливости. И таким решением оказывалась социальная революция.

Еще раз хочу подчеркнуть, что революцию как общественное явление породил капитализм, сокрушивший феодализм по всей Западной Европе, что явилось объективным этапом в движении человечества вперед. Кстати сказать, с внедрением капитализма в Европе средняя продолжительность жизни уже в 18 веке подскочила до 35 лет, а в 19 веке до 45 лет. В то время как в России, Китае, Индии и в других феодальных странах она оставалась на отметке около 30 лет.

Итак, в наиболее общей форме понятие революции означает следующее: революция – это скачок социального организма на прогрессивную ступень своего развития. Из этой формулировки следует, что она есть скачок, резкий переход социального организма к новым формам своего существования; и что эти новые формы являются основой его развития в сторону прогресса. Повторюсь: не только сохранение организма как социального вида, но и его развитие, т.е. увеличение той самой дельты, о которой речь шла выше.

III

С момента зарождения капитализма в истории мы сталкиваемся с двумя видами социальных революций: буржуазной и социалистической. Оставляя в стороне очевидные различия в целях и задачах этих революций, хотел бы обратить внимание на другие различия, которые обычно проходят мимо внимания. Буржуазные революции возникают на базе идей (равенство, братство, справедливость) и происходят они чаще всего стихийно в ответ на экономические или политические кризисы. Социалистические революции готовятся заранее на базе теории социалистической революции, которые стали возможными благодаря марксистскому учению о формациях. Это возможно потому, что социализм как формация строится осознанно на основе объективных законов развития общества. Дело в том, что сам капитализм в силу своей природы, особенно в пору своего подъема, способствует бурному развитию не только естественных наук и техники, но и общественных наук, тем самым проясняя некоторые закономерности истории. В том числе неизбежность смены капитализма на социализм.

Многие теоретики общественных наук, соглашаясь с таким выводом, тем не менее, утверждают, что эта смена возможна через эволюцию, а не обязательно через революцию. В качестве примера они приводят скандинавские страны и, например, Канаду или Австралию с Новой Зеландией, в которых весьма сильны социалистические элементы в социальной политике и экономике. Это действительно так. Я мог бы указать даже на самые развитые капиталистические государства, как-то: Францию, Голландию, Германию, Англию и даже США, в которых социализм демонстрирует себя во многих сферах общественной жизни, хотя капиталистическое ядро, безусловно, определяет тип общества в целом. Но при этом не надо забывать, что все это стало возможным не только благодаря постоянной борьбе их населения за свои права, но в определяющей степени благодаря существованию Советского

Союза именно как социалистического государства. Практически все аспекты социальной политики СССР были переняты западными странами. То есть так или иначе где-то должен быть исторический пример социалистического развития. А для этого, где-то должна была произойти социалистическая революция.

В этой связи постоянно возникает вопрос: почему соцреволюции, как показала история, происходили в неразвитых или недоразвитых странах, а не в тех, в которых они должны были бы происходить в соответствии с теорией Маркса. Почему Ленин, в отличие от Плеханова и меньшевиков, торопился с соцреволюцией в России?

Ответ, как не покажется странным, довольно простой. Потому что капитализм в своей империалистической фазе поглощал эти неразвитые и недоразвитые страны, подчиняя своему контролю. Это происходило в начале 20 века, это происходит и в начале 21 века. Такой контроль позволял и позволяет им путем ограбления многих стран Африки, Азии и Латинской Америки подкармливать свое население, оттягивая социальные конфликты в собственных странах. За счет, если говорить о современности, стран Третьего мира. Чтобы избежать такого контроля, некоторые страны успевали совершать соцреволюции раньше своего исторического времени. Благодаря этому они не только сохраняли свой политический и экономический суверенитет, но и успешно развивались за весьма короткий исторический период.

Например, с точки зрения развития производительных сил Россия исторически не была готова для соцреволюции в начале 20 века. Но если бы она не совершилась, то царская Россия была бы просто заколонизирована западными странами приблизительно по той схеме, которая осуществлялась ими в отношении Китая до 1949 г. Но большевики, самые грамотные революционеры за всю историю мировых революций, успели выдернуть Россию из капиталистического капкана и перевести ее на прогрессивную ветвь развития. И хотя после почти 70 лет динамичного развития СССР, страну в результате контрреволюции повернули вновь на тупиковую ветвь развития, это не означает, что сам социализм потерпел поражение. Свою динамику социализм демонстрирует в другой нарождающейся сверхдержаве – в Китае.

IV

Надо иметь в виду еще и такие моменты, связанные с революцией.

Во-первых, для той или иной страны в силу различных исторических и прочих причин бывает недостаточно только одной революции. Одна революция не всегда решает все задачи нового строя. В отличия, скажем, от Нидерландов и Англии, во Франции, например, понадобилось несколько революций.

Во-вторых, может случаться и так, что революция в какой-то стране терпит поражение и сама страна остается на старой ветке развития, но идеи революции перехватываются другими странами, где они становятся доминирующими. Яркое подтверждение этому тезису пример того же Советского Союза. Хотя он и распался, но практика социализма была перенята не только Китаем и скандинавскими странами, но и самими так называемыми развитыми капиталистическими странами, в которых “доля” социалистических структур занимает громадное место в их обществах, о чем уже упоминалось выше.

В-третьих, существует избитое возражение против революций: дескать большинство стран обходилось без революций и ничего, процветают. Хотя я и не знаю процветающих стран, которые бы обошлись вообще без революций в своей истории, тем не менее теоретически это возможно, поскольку движение человечества вперед определяется не всеми государствами (их сейчас, например, около 200), а государствами, которые образуют каркас мировых отношений, так называемыми структурообразующими странами. За всю историю в каждый ее период таких стран-государств всегда было не так много, не более пяти-шести. События, происходящие именно в них, определяли и определяют стратегическую линию мирового развития. Остальные страны или уничтожаются, или приспосабливаются под доминирующие тенденции в мире.

В-четвертых, история человечества еще очень коротка, ей всего лишь около 5 тысяч лет (если иметь в виду четко зафиксированную дату в истории). Естественно, что за такое короткое время на фоне миллиардов лет космического времени общественные законы не могут быть закреплены и зафиксированы как законы неорганического и даже органического мира. Общественные законы – это скорее тенденции, определяемые по-разному на той или иной исторической шкале развития. Их нельзя воспринимать буквально. Именно поэтому легче выявить законы Природы, чем законы общества.

Возвращаясь к революции. Почему именно революционеры являются жертвами самой революции? Дело в том, что революция – это социальный скачок. А любой скачок – это переход одного явления в другое, в котором невозможно зафиксировать саму переходную грань. Например, не случайно ни один эволюционист-биолог не может сказать, с какого организма начинается переход от неорганики к органике, а от органики к жизни. Точно так же невозможно указать конкретный вид человеко-обезьян, который можно было бы четко назвать человеком. Скачок он на то и скачок, что он в силу своей природы не дает зафиксировать переходную черту от количества в качество. Конечно, в революции хотя и есть некое историческо-революционное время, но сами революционеры как составляющие элементы социального скачка неизбежно должны исчезнуть как только скачок произошел. Именно поэтому революция пожирает своих сынов. По этой же причине крайне редко революционер способен на последующую эволюционную деятельность. Они – дети революционного мышления, которое перестает быть необходимым в последующем. И в этом смысле уничтожение Сталиным большевистской гвардии было исторически обоснованным и неизбежным. (Сам Сталин непосредственно в революциях не участвовал.) Но революционер, также как и любой герой, жертвуя собой, погибает ради общего, ради своего народа, нации, ради выживаемости своего, используя биологический термин, рода или вида. Здесь та же взаимосвязь как и в биологии между органолизмом и филогенезом. Какие-то части органолизма жертвуют собой, чтобы не дать погибнуть всей филе. В конечном счете, революционер живет идеями будущего, эволюционист результатами настоящего.

VI

В связи со всем сказанным совершенно глупыми звучат причитания современных идеологов капитализма и их лакеев из оппортунистического крыла левых о том, что век революций завершился и настала пора эволюционного развития человечества. Тем более, что поскольку-де: "... ни одна революция не решила изначально стоящих для нее задач: не сделала человека лучше, не сделала условия жизни еще лучше". И в этой связи идет ссылка в качестве примера на Французскую революцию и, естественно, революцию 1917 г. в России.

"Человека" пока оставим в покое: не то что революции, мировые религии не сделали его лучше. А что касается революций, то они и не ставят таких задач. Задачи же ставят революционеры. И их задача — захват власти, которая им нужна, чтобы изменить общественный строй в соответствии с интересами тех классов, которые они представляют. Эти задачи были выполнены как в ходе Французской революции, так и

Октябрьской революции 1917 г. Это — во-первых. Во-вторых, насчет жертв и казней в ходе революций и в последующем. Еще раз вынужден повторить: революция на то и революция, что она не может обойтись без жертв и с той, и с другой стороны. Если брать Французскую революцию, то эти жертвы принесены для сохранения, выживания и дальнейшего процветания нации. Не будь этих жертв, Франция могла превратиться в маргинальное образование в Европе с перспективой стать аграрным придатком бурно развивающейся капиталистической Англии. Это одна сторона. Другая заключается в том, что Французская революция дала колоссальный толчок общественно-экономическим преобразованиям по всей Европе. Порожденные этой революцией наполеоновские войны не случайно во многих странах, в частности в немецких княжествах, воспринимались как освободительные. Освободительные от пут феодализма. Частично это коснулось даже России (вспомним декабристов). Опять же, не случайно Наполеон воспринимается как положительная личность даже в странах, против которых он совершал агрессию. Так положите на чашу весов плюсы и минусы Французской революции в ходе исторического развития всего человечества. Нет бессмысленных революций. Они есть скачок в развитии общества. Нация жертвует своей частью, чтобы сохранить целое, т.е. всю нацию, особенно тогда, когда в силу тех или иных причин она возглавляется подонками или исторически обанкротившимися лидерами. В таких случаях, как писал Локк, нация обязана “воззвать к небесам” (appeal to Heaven), т.е. совершить революцию.

В еще большей степени это относится к русской революции октября 1917 г. В этой связи я вынужден привести уникальный пассаж из работы одного русского горе-теоретика, свидетельствующий или о полном незнании этим господином истории своей страны, или о сознательной ее фальсификации. Скорее всего последнее, поскольку аналогичными фальсификациями занимается немалое число так называемых ученых как на Западе, так и в России. Так вот, он приводит ряд статистических данных, демонстрирующих высокие темпы экономического развития России с 1899 г. по 1913 г. И в этой связи заключает: “Т.е. в одном случае в результате реформ прирост составил от 40 до 140%, а в другом — падение на такую же величину (это о современной России. – А.Б.). Результат прямо противоположный, что позволяет говорить о том, что он не мог быть случайностью. Просто в начале века была нация, объединенная в империю, во главе которой стоял Государь, обладавший сильной властью. А во втором случае — шла борьба внутри нации, между ее частями, шел процесс целенаправленного ослабления власти вообще, а институтов власти — в особенности. В одном случае было созидание, политическая стабильность,

общенациональное единство. В другом – небольшевистские идеологические выверты”. В таком же ключе пишут и многие историки из патриотического лагеря.

В то время Россия действительно быстро развивалась. Но за счет чего и за счет кого? Вынужден еще раз повторить, о чем уже неоднократно писалось. В начале царствования Николая II иностранцы контролировали 20–30% капитала в России, в 1913 г. – 60–70%, к середине 1917 г. – 90–95%. Г. Гольц (из Института народнохозяйственного прогнозирования РАН) приводит другие цифры, но суть их та же: “...доля иностранного капитала в русских банках выросла с 7,5 процентов в 1870 г. до 43 процентов в 1914 г. ...в промышленности: почти половина всех капиталов принадлежала иностранцам”. Хотя здесь приведены различные цифры, однако общая динамика очевидна: иностранцы прибирали финансовую и промышленную сферы России в свои руки.

Российское правительство уже в то время “село на иглу” иностранных займов, особенно в 1906 и 1909 гг. В результате (не напоминает ли это уже наши дни?) стали накапливаться долги, на оплату процентов по которым за 10 лет (1904–1913 гг.) было выплачено 1,7 млрд рублей, причем получено немногим более 1 млрд. Еще один результат. Государственный долг России с 8,8 млрд рублей в 1913 г. увеличился до 50 млрд в 1917 г. Другими словами, Россия, с одной стороны, увязла “в долгах как в шелках” перед Европой, с другой, она, пустив “козла в огород”, стала терять контроль над своей экономикой и внешней политикой. Наконец, можно вспомнить и о русском промышленнике А.И. Путилове. Оказывается, на Путиловском заводе “из 32 директоров 21 директор, а из общего числа рабочих и монтажеров 60% принадлежали немецкой национальности”. В финансовом же отношении контроль осуществлялся банком “Унион паризьен”[1].

Насколько государь обладал сильной властью, видно не только из результатов его правления, но и из описаний государственных деятелей того времени, например С. Витте, П.Н. Милюкова и др.

О политической стабильности. Если было все так хорошо, с чего бы это так стремительно набирали темпы забастовки, количество которых возрастало с каждым годом: в 1912 г. в них участвовало более 725 тыс. рабочих, в 1913 г. – 887 тыс. и 1 250 тыс. из 3 млн рабочих в первой половине 1914 г. Может быть, цитируемый горе-теоретик запомнил о революции 1905-1907 гг., о столыпинских “галстуках”, о том, что государя, которого он предпочитает писать с большой буквы, Л. Толстой называл

“Николаем Веревкиным”? Что это за “политическая стабильность”? Ф. Энгельс за 23 года до революции писал: “А в России маленький Николай поработал на нас, сделав революцию неизбежной”[2].

Более того, не сверши большевики этой революции, Россия тогда, в 1918 г., исчезла бы с лица земли как суверенное государство. Она уже была фактически поделена между Францией, Англией, США и Японией к тому времени. Вспомните, в каких местах высадились вооруженные силы “союзников” в годы гражданки. Здесь не место рассказывать, во что социалистическая революция превратила отсталую Россию. Это обширная тема. Только отмечу, исходя из критерия прогресса, что за короткое историческое время в СССР средняя продолжительность жизни увеличилась более чем в два раза, с 30 до 64 лет, – беспрецедентный случай в истории, который повторил только социалистический Китай, где средняя продолжительность жизни выросла с 35 лет в 1949 г. до 72 лет в 2004 г.

Повторяю: революции спасают нации и государства, жертвуя частью своих граждан, обычно лучших своих граждан. Потому что в революцию идут самые сознательные, самые знающие, самые совестливые, готовые положить свои жизни ради своей страны, ради своего народа.

VII

Известно, что кроме революций существует еще контрреволюции. Они тоже есть закономерность, как отражение стремления исторически обреченных классов сохранить условия своего существования и своего паразитирующего процветания. Контрреволюция – это попытка исторических обреченных сил вернуть общество на устаревшую ветку эволюции, ведущую к неизбежной гибели такого общества. Обратите внимание, контрреволюционерами обычно являются люди по своим личностным масштабам значительно уступающим революционерам. Среди них нет ярких исторических личностей. Ну разве можно сравнить ленинскую гвардию с контрреволюционной командой Горбачева или Ельцина, если учесть, что даже сами эти два деятеля представляют собой неграмотных людей, волею случая оказавшихся на гребне истории. Это объективное явление, поскольку революция дает толчок вперед, контрреволюция – назад. Революционер – созидатель, контрреволюционер – разрушитель. А разрушать, как известно, в состоянии любой подонок.

VIII

В настоящее время большинство стран находится в системе капитализма. Капитализмы в них разные. Есть американская модель, множество западноевропейских моделей, японская модель, индийская, бразильская, африканские модели и т.д. Актуальна ли для них революция? А если да, то какого типа революция?

Во-первых, вопрос об актуальности не имеет смысла, поскольку революция сама по себе будет актуальной всегда, пока существует неравенство в мире. В силу короткого человеческого срока жизни, нам кажется, что революции уже больше не происходят. На самом деле, это не так. В некоторых странах Латинской Америки, например, в Колумбии они происходят чуть ли ни каждый год. Во-вторых, типы революций могут быть весьма разные, поскольку они должны учитывать специфику того государства, которое необходимо низвергнуть. Очевидно, что революции в Европе будут отличаться от революций в Латинской Америке или в Восточной Азии.

Кроме того, надо иметь в виду, что в каких-то странах остается актуальной и капиталистические революции (например, в арабских странах), а в каких-то социалистические революции (например, в той же Европе).

Некоторыми революция воспринимается только через вооруженное восстание. Это не обязательно. К нему всегда надо быть готовым, но это последнее оружие революционеров. В современных условиях революция может свершаться более "хитрыми способами" – тема, которая не обсуждается в открытой печати. Главное – не столько сменить власть, сколько сменить вектор развития общества. Например, в тех же Скандинавских странах социалистические революции (а они практически все социалистические государства по структуре и целям) произошли без вооруженных восстаний, а демократическим путем в рамках парадигм социал-демократии.

Даже в России не исключен мирный вариант революции, хотя вероятность такого варианта, на мой взгляд, не больше 1%. Дело в том, что Россия быстро катится к средневековью, главным показателем чего является фантастически быстрое распространение религии в стране. И как противоположное явление – умирание науки, знаний, катастрофическое увеличение неграмотности населения. Жандармы в рясах начинают диктовать и определять духовный уровень народа. Чем больше эти жандармы преуспеют в контроле над душами своих рабов, тем сложнее будет совершать социалистическую революцию в России. И власть и попы это хорошо

осознают. Даже оппозиционная политическая элита уже без бога не может обойтись. А там где царствует бог, там царит тьма. Разрядить ее крайне сложно. Однако необходимо. Иначе, Россия действительно исчезнет с мировой арены.

* * *

Тема революции намного сложнее, чем представлено в данной заметке. Здесь мне надо было только привлечь внимание к этому неизбежному явлению общественной жизни, которое в нынешней России сознательно обходится всеми или почти всеми. На Западе этому явлению посвящаются крупные монографии и бесчисленное количество статей. Я также намерен продолжить эту тему как часть более обширной темы: сила и прогресс общества. Не поняв некоторых общих закономерностей современных обществ, бессмысленно совершать революции. Революции могут быть успешными только тогда, когда революционеры знают, на основе каких законов они будут создавать общество после революции. Если они этих законов не знают, тогда они не революционеры, а преступники. Каковыми оказались Горбачев, Ельцин и их приспешники. Но в силу своей безмозглости они этого не поняли до сих пор. Не поняла этого и большая часть российского населения. Иначе, она давно бы предала их суду.

Короче, как справедливо писал Ленин: “Без революционной теории не может быть революционной практики”. По крайней мере, успешной революционной практики.

Алекс Бэттлер
15.02.2005
(Оксфорд, Англия)

[1] Подр. см.: Олег Арин. *Царская Россия: мифы и реальность*. М.: Линор, 1999.

[2] К. Маркс, Ф. Энгельс. *Сочинения*. Изд.2, т.39, с. 349.